Когда мы входим в здание Академии, взгляды всех обращаются к нам.

Они смотрят открыто, обиженно, но никто не открывает рта. В месте, переполненном людьми, тишина кажется такой неестественной и зловещей.

— Я могу сказать, о чём они все думают, по взглядам, которые они бросают на нас, – говорит Гиллес, его глаза бегают из стороны в сторону, осматривая всех.

И он прав. Все эти горячие взгляды, устремлённые на нас, передают гораздо больше, чем могут передать простые слова.

Как будто они наблюдают, как их поражает чума, как будто мы – эта чума. Интересно, пытаются ли они быть более вежливыми, ничего не говоря? Хотя я нахожу их презрительные взгляды столь же невежливыми, как и слова… Может даже хуже.

— Хэй, Алисия, когда ты назвала этих людей мусором… это был уже второй раз, да? В первый раз ты назвала их мусором, а во второй раз сказала, что они даже хуже, чем мусор, так что твои насмешки, направленные на этих девушек, на самом деле были ещё более жёсткими.

При словах Гиллеса мои плечи непроизвольно напрягаются.

— А-а? Разве я называла кого-то до этого мусором? Я не помню…

Я отвечаю, широко раскрыв глаза, на моём лице маска удивления и замешательства. Глаза Гиллеса расширяются в ответ на мои слова.

Когда я говорила что-то подобное?

Обычно я довольно хорошо запоминаю то, что говорю, и называть кого-то мусором – довольно серьёзное оскорбление, поэтому я думаю, что должна была помнить об этом… Но как бы я не пыталась вспомнить, ничего не приходит мне в голову.

— Тогда, когда нас обоих похитили. Бандиты, которых ты убила. Ты назвала их мусором.

— Ох… Я не помню.

— Это имеет смысл… В то время ты была сосредоточена на битве, – серьёзно бормочет Гиллес.

Я помню, как убила их, но, похоже, то, что я тогда сказала, полностью вылетело у меня из головы. Какой странный провал в памяти…

— Аля~ – произносит чей-то яркий, игривый голос. Ах, это Кертис подошёл ко мне сзади. — Давно не виделись. Как у тебя дела?

— Прекрасно. И у тебя похоже тоже всё неплохо, – говорю я, а затем смотрю позади него. — Ты один?

Кертис ухмыляется, как кошка, поймавшая в когти особенно интересную игрушку.

— О-о? Разочарована, что со мной нет Дюка?

— Нет! Просто… редко можно увидеть тебя одного, Кертис.

— Ах! Ну, это правда, так как меня обычно сопровождает по крайней мере пара симпатичных девушек.

— Да. Симпатичные, но пустые, легкомысленные девушки, – говорю я, мило улыбаясь ему.

На мгновение лицо Кертиса напрягается, его небрежное выражение лица выглядит вынужденным, но затем он восстанавливает самообладание и ухмыляется мне.

— Что такое? Ты ревнуешь?

— Абсолютно. Нет, – отвечаю я, моя собственная улыбка становится шире и, возможно, более натянутой, чем раньше.

Ревновать к Кертису… Какая нелепая идея.

Как злодейка, я имею право – нет, обязана – оскорблять других девушек. Кроме того, я почти уверена, что я умнее любой из девушек, которые, как правило, ошиваются рядом с Кертисом… Это означает, что я имею право на такие оскорбления.

Если бы я была не так умна, как они, я бы не была настолько бесстыдна, чтобы сказать что-то подобное.

— Конечно, ты не станешь читать мне лекции о том, как смотреть на других свысока, верно?

Я пропустила эти слова мимо ушей, даже не подумав о их смысле.

Глаза Кертиса и Гиллеса немного расширяются.

— ...Нет. Это правда, что они глупее тебя, Аля. Их магический уровень и академические способности ниже, чем у тебя, – отвечает Кертис, сверкнув кокетливой улыбкой.

Как неожиданно... Нет, стоп. Что-то не так. Ах, я не понимаю.

Кертис во фракции Лиз или нет? Я понятия не имею, о чём он думает...

— Ты правда так думаешь? По мнению остальной части Академии, я бездельница-идиотка, которая не прилагает никаких усилий ни к чему, что бы я ни делала, – дерзко заявляю я, уголки моих губ слегка приподнимаются, я поддерживаю с ним постоянный зрительный контакт.

Улыбка Кертиса становится горькой.

— Может, я и не из одной из пяти великих благородных семей, но я всё ещё способен отличить интеллект от идиотизма.

— Я не дворянин, и даже я могу отличить это, – говорит Гиллес.

Теперь моя очередь горько улыбнуться.

— Ты знаешь... Аля?..

Кертис вздрагивает, его взгляд становится серьёзным.

— Что? – спрашиваю я, удивлённая внезапной переменой в его настроении.

— Лиз умна... но её мысли слишком близоруки.

— Да, я в курсе.

— ...Верно. Но ведь Лиз – Святая, да?

На этот раз, когда Кертис говорит, его голос звучит тихо. Так тихо, что только я могу его слышать.

Услышав его слова, я резко откидываю голову и смотрю на него.

Смотря ему в глаза, я вижу, что на самом деле он не спрашивал меня, так ли это или нет. Он уверен, что Лиз – Святая.

— Откуда ты это знаешь?

— Любой бы узнал, если бы они задержались на секунду и понаблюдали за поведением Короля по отношению к Лиз. Кроме того, её магия – это явный феномен. Возможность использовать каждый атрибут… Если только она не Святая, это было бы слишком ненормально.

— Государственная тайна, которую так легко разоблачить, – бормочу я себе под нос.

— Она чиста и невинна, та, кто думает, что весь мир прекрасен.

— Да, я знаю и об этом, – говорю я, закатывая глаза, но он, похоже, совсем не удивлён.
Он наклоняется, приближая губы к моему уху.

Мгновение он не двигается. Ничего не говорит. Он просто дышит. Затем, глубоко вздохнув, он говорит ещё тише, чем шёпот:

— …Король использует твою смелую, утилитарную натуру. И это всего лишь моё собственное предположение, но я думаю, что когда-нибудь он скажет тебе стать Святой, действующей из тени.

Сказав это, Кертис уходит. Он уходит прежде, чем я успела полностью осознать его слова.

Мой разум так занят попытками расшифровать его слова, что я останавливаюсь как вкопанная. У меня даже не хватает сил продолжать идти.

Святой, действующей в тени? В то время как Лиз выступает в роли лица фигуры, известной как "Святая", я буду не чем иным, как какой-то "игрой света" позади неё?

— Алисия? Что сказал Кертис? – спрашивает Гиллес, вглядываясь в моё лицо с выражением одновременно любопытства и озабоченности.

— Стать Святой, действующей из тени… – это всё, что я бормочу ему в ответ.

При моих словах лицо Гиллеса мрачнеет.

Так как его ум необычайно остр и быстр, похоже, он уже всё понял.

…Действовать из тени? Я не хочу этого.

Я хочу стоять в центре сцены. Я хочу блистать как великолепная злодейка перед всеми! Не вести себя как какой-то морально сомнительный дублёр. Почему я должна становиться чем-то

таким жалким?

Хотя это было всего лишь предположением Кертиса. Ещё ничего не решено.

— Кертис так сказал?

— Нет, не совсем… он сказал, что однажды Король может сказать это, – уточняю я.

Гиллеса, похоже, не утешила эта новая информация. Почему-то выражение его лица выглядит ещё более мрачным, чем раньше.

Я знала, что меня используют. Я знала это, и меня это устраивало.

Тем не менее, пытаясь заставить злодейку, которая заслуживает не меньше, чем центра внимания, отойти на задний план, я отказываюсь принимать это.

Я признаю, что меня используют для чего угодно, только не для этого. Если он хочет воспользоваться моими действиями, пусть так и будет. Так как я делаю то, что хочу, и в то же время добиваюсь благосклонности, для меня нет никаких недостатков. Но я не позволю отодвинуть себя.

Пока мы с Гиллесом погружаемся в молчание, размышляя о том, что скрывается за словами Кертиса, внезапно позади меня раздаётся знакомый голос:

— Что вы двое задумали?

Я резко поворачиваюсь к источнику этого голоса. И вижу стоящего прямо за окном Дюка.

— Давно не виделись, – тепло говорит он, протягивая руку и слегка поглаживая меня по щеке.

Ах, остановись. Если ты начнёшь так вести себя с самого утра, моё сердце не выдержит. Похоже, сегодня меня ждёт ещё один утомительный день.

…Если бы я сейчас захлопнула окно так сильно, как только могла, интересно, как бы он отреагировал?

— Что, по-твоему, ты делаешь?

Не пора ли тебе убрать руку? …Пожалуйста? Если ты этого не сделаешь, то обязательно поймёшь, какое горячее у меня сейчас лицо. То есть, если ты этого ещё не понял…

На мой вопрос, правая сторона рта Дюка приподнимается, его глаза становятся игривыми и дразнящими.

— Выражаю свою любовь.

— Мне это не нужно, – быстро бормочу я. Сразу же.

Моё лицо с каждой секундой становится всё горячее.

Ах-х! В конце концов я задала глупый вопрос. Опять. Я снова наступила на те же грабли.

Что я могу сделать, чтобы победить Дюка?

…Я ненавижу это чувство, как будто я всегда так или иначе проигрываю ему. И как злодейка, мне стыдно проигрывать мужчине.

Я высовываю руки в окно и грубо провожу пальцами по волосам Дюка, заставляя их взъерошиться.

Ох, его волосы такие гладкие и мягкие. Какая невероятная текстура.

— Что? – произносит Дюк, разинув рот.

Да! Теперь можно, по крайней мере, назвать это ничьей, верно? Мне удалось удивить его! Неплохо, молодец, Аля.

— Я выражаю свою любовь, – торжествующе заявляю я, ухмыляясь ему в ответ.

На секунду Дюк замирает, продолжая таращиться на меня с раскрытым ртом. Но затем его плечи расслабляются, огромная, счастливая улыбка медленно расплывается по его лицу, его глаза мерцают.

— Значит, ты любишь меня?

Мне кажется, или эта счастливая улыбка теперь больше похожа на злую ухмылочку? Неужели тебе действительно нужно так пристально смотреть на меня?

— А-а? Нет, ум-м.

Я просто пыталась дать Дюку побыть в моей шкуре… Я не думала, что он обратит мои слова в

свою пользу.

Это плохо. Дюк снова одержал верх. Когда я смогу победить его?

Увидев мой слегка взволнованный взгляд, губы Дюка изогнулись в довольной улыбке.

Угх, я позволила ему "залезть мне под кожу"! Хуже уже быть не может! Не могу поверить, что позволила ему увидеть, как я взволнована! Я быстро беру своё сердце под контроль.

— Ради того, чтобы ты, Алисия, выразила мне свою любовь, я сделаю всё, что угодно, – говорит Дюк, глядя мне прямо в глаза, его собственные глаза и выражение лица серьёзные и искренние.

Я чувствую, как мой глаз непреднамеренно расширяется. И в этот момент мне кажется, что время остановилось.

Это первый раз в моей жизни, когда кто-то сказал мне что-то подобное. Даже в моей прошлой жизни никто никогда не вёл себя так. По крайней мере со мной!

Раньше, когда он дразнил меня этой дьявольской ухмылочкой, его чувства казались в лучшем случае слабыми... но когда он так смотрит на меня...

...Почему? Почему именно сейчас? Почему он вдруг стал таким серьёзным? Это какой-то новый, дьявольский тип поддразнивания, который он только что придумал?

Бам!

Внезапно раздаётся свист, что-то пролетает прямо мимо моего лица со значительной скоростью.

Похоже, Гиллес был сыт по горло нашим разговором. Только что он захлопнул окно с такой силой, что стекло задребезжало, как будто вот-вот должно было разбиться.

— Флиртуй сколько хочешь, я не против. Но не мог бы ты не делать этого с самого утра? – громко говорит Гиллес Дюку через стекло.

Улыбка Дюка становится слегка натянутой при этих словах. Ответная улыбка Гиллеса, с другой стороны, выглядит странно поддерживаемой дискомфортом Дюка.

...Это настоящая, искренняя улыбка. Та самая, которая появляется только тогда, когда ты едва сдерживаешься, чтобы не разразиться смехом.

Может быть, это его собственная форма поддразнивания? Может быть, он хотел немного запугать Дюка?

Обычно Гиллес не против любых действий Дюка, но, возможно, я могу сказать, что он всё ещё мой союзник? Когда дело дойдёт до драки, он встанет на мою сторону и поможет мне?

Нашу словесную баталию можно считать ничьей, да? Надеюсь, меня простят за то, что я позаимствовала немного помощи у Гиллеса.

Но Дюк всё ещё слишком грозный враг, чтобы я могла встретиться с ним в одиночку! Когда-нибудь я точно смогу справиться с ним самостоятельно! ...Надеюсь.

...Кстати говоря, интересно, нравится ли мне Дюк?

Я имею в виду, конечно, он мне нравится... но являются ли эти чувства любовью?

Говорят, что первая любовь на вкус как лимон... но я, честно говоря, понятия не имею, что под этим подразумевают. К тому же, кто вообще это сказал?

Угх, любовь сбивает с толку... Возможно, мне ещё слишком рано думать о таких вещах.

http://tl.rulate.ru/book/39408/1432933